

© 2010 г.

В.П. ЗАЙЦЕВ

АНГЛИЙСКИЙ ЖУРНАЛИСТ АЛЕКСАНДР ВЕРТ И ЕГО КНИГА “РОССИЯ В ВОЙНЕ 1941–1945”

«На Западе некоторые спрашивали иногда у меня, как Россия могла вести и выиграть эту титаническую народную войну в условиях жесткой власти Сталина. Но народ сражался, и он сражался, прежде всего, чтобы защитить “самого себя”, то есть свою родину; а у Сталина было достаточно здравого смысла, чтобы с самого начала понять, что это, прежде всего – война Отечественная. В трудные дни 1941 г. он не только прямо провозгласил, что народ сражается в этой войне за Россию и за свои национальные традиции, пробудив тем самым в советских людях чувство национальной гордости и чувство задетого национального самолюбия, но и сумел добиться того, что его признали национальным вождем. Было бы, разумеется, слишком большим упрощением считать (как считают некоторые), что это была “национальная” или даже “националистическая” война и ничего больше. Нет, в этой национальной, народной войне советские люди сражались также за свою советскую власть”, – писал британский журналист А. Верт в книге “Россия в войне 1941–1945”»¹.

Труд Верта до сих пор остается одним из наиболее ярких и впечатляющих описаний Великой Отечественной войны, сделанных западным наблюдателем. “Я делал все, что было в моих силах, чтобы рассказать Западу о военных усилиях советского народа”, – отмечал Верт, имея в виду свою корреспондентскую деятельность. Эти слова можно отнести и к его книге “Россия в войне”. Верт по собственным впечатлениям, документам, свидетельствам очевидцев воссоздавал, по его определению, “человеческую историю”. Книга Верта была издана в США, Англии, Франции, ФРГ и других странах; она “открыла глаза” западным читателям на подлинные события, происходившие на Восточном фронте и в России. Главная книга Верта была переведена на многие языки, выдержала 27 изданий, в том числе два русских².

Александр Верт (1901–1969) родился 4 февраля 1901 г. в России в г. Санкт-Петербурге, где жил до 17 лет. Его отец – англичанин, мать – русская. Кроме родных языков – английского и русского – Верт свободно владел французским. В 1918 г. семья Вертов покинула революционную Россию и выехала в Великобританию. В 1922 г. Александр окончил университет в г. Глазго (Шотландия). С 1924 г. он стал профессионально заниматься журналистикой: сотрудничал с прессой Великобритании, США, Франции, других стран. С июля 1941 г. до конца 1946 г. Верт был корреспондентом лондонской газеты “Санди Таймс”, ряда других британских изданий и радиостанции “Би-Би-Си” в СССР. Перу Верта принадлежат более 25 книг³.

Зайцев Валентин Павлович – кандидат исторических наук.

¹ *Werth A. Russia at War 1941–1945. Dutton, 1964.*

² *Верт А. Россия в войне 1941–1945. М., 1967. Вступительная статья д.и.н. Е.А. Болтина; 2-е изд. М., 2001.*

³ Наиболее известные из них: *Werth A. Last Days of Paris. London, 1940; Werth A. Leningrad. London, 1944; Werth A. The Year of Stalingrad. London, 1946; Werth A. America in Doubt. London,*

Около четверти века Верт прожил во Франции. В последние годы жизни он, как рассказывал его сын, французский историк России Н. Верт⁴, «готовил новую книгу “Россия в мире”, когда советские войска вошли в Чехословакию в августе 1968-го года. Он был настолько разочарован этими событиями, что покончил с собой». Это случилось в Париже 5 марта 1969 г. По словам Н. Верта, его отец надеялся, что в России будет лучший строй”. Н. Верт, следуя примеру отца, “решил стараться понять” Россию, которую его отец “очень любил, хотя он никогда не был коммунистом, но он прошел всю войну, он понимал страдания этого народа, страны. Ну вот, и я решил, что это такой мой долг – работать, стараться понимать историю этой страны как можно лучше”⁵.

О своей миссии в СССР Верт-старший писал: «Пожалуй, единственный представитель Запада, который пробыл в СССР все военные годы, и который каждый день записывал в свой дневник обо всем, что видел и слышал. Среди иностранных корреспондентов я, можно сказать, находился в привилегированном положении; я родился в Петербурге и говорю по-русски, как на родном языке. Поэтому я мог свободно и неофициально беседовать на русском языке с тысячами людей военных и гражданских. Я находился в особом положении еще и потому, что был не только корреспондентом крупной английской газеты “Санди Таймс”, но, что самое главное, корреспондентом Би-Би-Си, которая каждое воскресенье передавала мои “Русские комментарии”, собиравшие у приемников рекордное число – 12 или 13 миллионов слушателей в Англии, не считая еще многих в оккупированной Европе и в других странах; я делал все, что было в моих силах, чтобы рассказывать Западу правду о военных усилиях советского народа... Характерно, что Би-Би-Си прекратила мои комментарии из Москвы немедленно после капитуляции Германии в мае 1945 г.»⁶.

В предисловии к русскому изданию Верт выразил благодарность и признательность советскому народу: “Всю Великую Отечественную войну советского народа я провел в Советской стране, поэтому, когда мне исполнилось шестьдесят лет, я острее, чем когда-либо, почувствовал долг и выражение признательности советскому народу. Именно советский народ вынес на себе основную тяжесть Второй мировой войны. Именно он потерял в ней 20 миллионов людей”⁷.

Рассматривая историю Великой Отечественной войны, Верт стремился объективно воссоздать ее правдивую картину, описать обстановку на фронтах, а также в тылу. Стремление правдиво отразить жизнь СССР и его борьбу с врагом стало для Верта главной задачей⁸.

Британский журналист был на разных участках войны: под Смоленском – в сентябре 1941 г.; под Сталинградом – в январе 1943 г. и в Сталинграде – в феврале 1943 г.; в Харькове – дважды в 1943 г.; Орле – в августе 1943 г.; в Киеве, Одессе и Севастополе – после их освобождения в 1944 г.; в Румынии и Польше – в 1944 г.; в Германии – в 1945 г.

“Я мог, – вспоминал Верт, – свободно и неофициально беседовать с тысячами людей, военных и гражданских”⁹. Верт встречался со многими выдающимися советскими людьми: военачальниками К.К. Рокоссовским, Г.К. Жуковым, В.И. Чуйковым, Р.Я. Малиновским, В.Д. Соколовским; писателями К.М. Симоновым, А.А. Сурковым, И.Г. Эренбургом, М.А. Шолоховым, А.А. Фадеевым, Б.Л. Пастернаком, Б.Н. Полевым;

1946; *Werth A. France 1940–1955*. London, 1956 (русский перевод: *Верт А. Франция. 1940–1955*. М., 1959); *Werth A. De Gaulle*. London, 1965.

⁴ *Верт Н. История Советского государства. 1990–1991*. М., 1995.

⁵ Интервью Н. Верта радиостанции “Эхо Москвы” 4 апреля 2009 г. – <http://www.echo.msk.ru/programs/staliname/582884-echo/>

⁶ *Верт А. Россия в войне 1941–1945*. М., 1967, с. 29.

⁷ Там же, с. 23. В настоящее время называется уточненная цифра: 26,6 млн. человек.

⁸ *Верт А. Россия...*, с. 11.

⁹ Там же, с. 29.

композиторами С.С. Прокофьевым и Д.Д. Шостаковичем; кинорежиссерами В.И. Пудовкиным, С.М. Эйзенштейном и А.П. Довженко.

В предисловии к русскому изданию своей книги Верт привел слова президента США Д. Кеннеди, произнесенные 10 июня 1963 г.: “Во всей истории войн еще не было страны, которая выстрадала бы больше, чем Россия во время Второй мировой войны”¹⁰. Верт развивает тезис Кеннеди: “Память о 1941–1945 гг. и теперь свежа в каждом советском человеке старшего возраста, и молодому поколению постоянно рассказывают и напоминают в книгах, в кинофильмах, по радио и в телевизионных передачах о том, что выстрадала страна, и какие трудности ей пришлось вынести для того, чтобы сначала выстоять, а потом завоевать победу”¹¹.

Воздавая должное роли США и Англии в борьбе с гитлеровской Германией, Верт приводит слова И.В. Сталина, что, несмотря на историческую победу в Сталинградской битве, “нацистскую Германию можно разгромить не иначе как общими усилиями Большой тройки”¹².

Размышляя о роли Сталина в войне, Верт отмечал: “На Западе некоторые спрашивали у меня, как Россия могла вести и выиграть эту титаническую народную войну в условиях жесткой власти Сталина. Но народ сражался, и он сражался прежде всего, чтобы защитить самого себя, то есть свою родину, а у Сталина было достаточно здравого смысла, чтобы с самого начала понять, что это прежде всего война отечественная. В трудные дни 1941 года он не только прямо провозгласил, что народ сражается в этой войне за Россию и за свои национальные традиции, пробудив тем самым в советских людях чувство национальной гордости и... национального самолюбия, но и сумел добиться того, что его признали национальным вождём”¹³.

В конечном итоге, возглавляемый Сталиным СССР одержал победу над нацистской Германией: “Советский строй за период, прошедший с 1928 года создал мощную промышленную базу для ведения войны, в те две с половиной пятилетки, которые СССР усердно выполнял, позволили ему организовать оборону против чудовищного захватчика... Советский Союз, советский строй, советская организация обеспечивали лучшее использование имеющихся ресурсов, чем это было у немцев”¹⁴.

Верт встречался с советскими людьми – участниками важнейших битв и простыми гражданами, временно оказавшимися под немецкой оккупацией и освобожденных Красной Армией, с тружениками тыла, жителями блокадного Ленинграда. И всюду журналист непременно находил среди этих людей интересных собеседников; часть их бесед нашла отражение в книге. Он стремился попасть на такой участок фронта, где шли ожесточенные бои, или в те местности, которые были освобождены от оккупантов.

Первое посещение Вертом войск действующей Красной Армии состоялось в конце августа – начале сентября 1941 г. под Смоленском. Оно описано в главе “Осенняя поездка на Смоленский фронт”¹⁵. В конце августа – начале сентября 1941 г. советские войска провели наступательную операцию в районе севернее и юго-восточнее Смоленска и освободили от немецких захватчиков город Ельня. “Это была не просто первая победа Красной Армии над немцами, – отметил Верт, – но и первый кусок земли во всей Европе, каких-нибудь 150–200 квадратных километров, отвоеванных у гитлеровского вермахта. Огромное значение имел этот небольшой успех для поднятия морального духа советских войск. Победа под Ельней явилась таким событием, которое надо было предать международной огласке, и поэтому 12 или 13 иностранных журналистов

¹⁰ Там же, с. 23.

¹¹ Там же, с. 23–24.

¹² Там же, с. 24.

¹³ Там же, с. 27.

¹⁴ Там же, с. 27–28.

¹⁵ В действительности Смоленского фронта не было, данный участок относился к Западному фронту.

15 сентября были отправлены на машинах в недельную поездку по фронту”¹⁶. Автор нарисовал картину, увиденную журналистами в прифронтовой полосе: “Трагичен был город Вязьма, подвергавшийся непрерывным воздушным налетам с ближних германских аэродромов. Еще трагичнее были молодые летчики на небольшом аэродроме для истребителей под Вязьмой, совершавшие по семь-восемь вылетов в день и постоянно выполнявшие почти самоубийственные задания. Трагичной была вся полностью разрушенная территория Ельнинского выступа, где все города и деревни были уничтожены, а немногие уцелевшие жители ютились в погребках и землянках”¹⁷.

Верт отметил, что “Вязьма, тихий малонаселённый городок, куда иностранные журналисты прибыли к вечеру, выглядела потом обыкновенно, несмотря на большое число солдат и разбомбленные дома, на центральной площади стоял памятник Ленину. Там же в первую ночь состоялась беседа с генералом В.Д. Соколовским, начальником штаба Западного фронта, который рассказал, что удалось добиться на этом центральном участке фронта в течение нескольких недель. Он придавал большое значение тому, что продвижение противника остановлено за Смоленском, назвал его потери на этом участке фронта. “Блицкриг как таковой, – сказал Соколовский, – кончился, начался процесс перемалывания германской военной машины“. Чтобы остановить советское контрнаступление, врагу пришлось подтянуть подкрепление. Далее Соколовский отметил, что советская артиллерия, по его мнению, значительно превосходит германскую. Хотя он признавал, что противник все еще обладает значительным превосходством в авиации и танках. И еще одно важное обстоятельство, что Красная Армия обеспечена полушубками и другим зимним обмундированием, а это значит, что советские войска могут выдерживать сильные морозы, которые не в силах перенести немецкие захватчики. Соколовский так ответил на вопрос иностранных журналистов о возможном наступлении противника на Москву: “Они всегда могут сделать последнюю отчаянную попытку или даже несколько последних отчаянных попыток, но я не думаю, – добавил он твердо, – что они дойдут до Москвы”¹⁸.

На закате дня иностранные журналисты подъехали к небольшой базе истребителей под Вязьмой. В их присутствии приземлился истребитель, но с отсеком для бомб. Молодой пилот, ему не было еще и 20 лет, но он уже немало налетал, сбросил бомбы на германский аэродром под Смоленском. На вопрос, сколько он налетал, последовал ответ: “Отсюда до германских линий – пять, шесть, семь вылетов в день”. У другого молодого летчика Верт спросил: “Как ему нравится эта опасная жизнь?”. И получил такой ответ: “Я ее люблю. Возможно, она и опасная, но зато каждая минута волнует... Только так и стоит жить”¹⁹.

Были у иностранных гостей и встречи с бойцами и командирами Красной Армии; гости посетили много полковых штабов, иногда расположенных в 1,5–2 км от линии фронта, “вокруг часто падали снаряды”²⁰. Верт побеседовал с советским офицером, капитаном по званию, уроженцем Харькова, который сказал: “Это очень тяжелая война. И вы не представляете, какую ненависть немецкие фашисты пробудили в нашем народе... Мы были беспечны и добродушны, но, заверяю вас, они превратили наш народ в злых мужиков. Мы – люди, жаждущие отомстить. Никогда раньше я не испытывал такой ненависти. И для этого есть все основания”²¹.

Затем группа зарубежных журналистов прибыла в освобождённую Ельню. Верт вспоминал: “Ельня была полностью разрушена. Все дома, в большинстве деревянные,

¹⁶ Верт А. Россия..., с. 128. В составе этой группы, кроме А. Верта, были пресс-атташе английского посольства член палаты общин В. Бартлет, американский писатель Э. Колдуэлл, корреспондент “Нью-Йорк Таймс” А. Сульцбергер, корреспондент “Ассошейтед пресс” Г. Кэс-сиди.

¹⁷ Там же, с. 128–129.

¹⁸ Там же, с. 129–130.

¹⁹ Там же, с. 130.

²⁰ Там же, с. 131.

²¹ Там же, с. 132.

по обе стороны дороги, которая вела к центру города, были сожжены; от них остались груды золы да остовы печей... Из всех зданий уцелела только каменная церковь. Большинство жителей (их было 15 тыс. человек), оставшихся здесь во время гитлеровской оккупации,... исчезли. Город был занят немцами почти неожиданно и мало кто из населения успел уехать. Почти всех трудоспособных мужчин и женщин силой зачислили в рабочие батальоны и угнали в немецкий тыл... В ночь перед наступлением частей Красной Армии на город гитлеровцы приказали собраться оставшимся жителям в церкви. Сквозь церковные окна они увидели черный дым и пламя. Фашистские “войки” обходили дом за домом, забирали все, что можно было найти в них. А затем поджигали их. Когда в город ворвались советские солдаты, дома спасти не удалось, но они успели освободить оставшихся без крова пленников-жителей”²².

“Эта неделя, проведенная на Смоленщине, – писала Верт, – подействовала на меня в известной мере ободряюще, но в то же время оставила впечатление трагедии. Исторически то была одна из стариннейших русских земель, чуть не самое сердце древней Руси. Старинный город Смоленск уже был у немцев, и фронт проходил в 30–40 км восточнее него”²³. В памяти Верты осталась беседа с генералом В.Д. Соколовским, многочисленные встречи и беседы с красноармейцами, с молодыми летчиками. Всё это позволяло Верту и его коллегам оставаться оптимистами.

Первая поездка на фронт определила характерные качества Верты как военного журналиста и публициста. Во-первых, он стремился как можно больше и подробнее узнать о жизни участников боевых сражений: солдат, офицеров и вышестоящих командиров, а также гражданских лиц. Во-вторых, первая поездка на Западный фронт родила в нем ещё одно новое качество: находясь в зоне боевых действий или в городах ближнего или дальнего тыла, он непременно накапливал свои личные впечатления. Описания следующих поездок непременно содержали главы, повествующие о личных впечатлениях из тех мест, где он побывал.

В книге “Россия в войне 1941–1945” автор впервые обратился к рубрике “личные впечатления” в разделе “Ленинградская эпопея”²⁴. По его словам, пребывание в его родном городе после 25-летнего отсутствия было особенно волнующим. Верт посетил дом, где прожил первые 17 лет своей жизни. Многие дома на улице, где он жил, были разрушены бомбёжками, а жители его дома умерли от голода в блокадную зиму 1941–1942 гг.

Встреча Верты с его родным городом состоялась в сентябре 1943 г. Немецкие позиции, вспоминал журналист, находились в трех километрах от Кировского завода, на южной окраине Ленинграда. Общая численность населения города сократилась примерно до 600 тыс. чел.²⁵ “Конечно, это был фронтовой город, и большая часть его населения ходила в военной форме. Бомбежки практически уже прекратились; но город подвергался частому, иной раз исключительно жестокому, артиллерийскому обстрелу. Это принесло огромный ущерб домам, особенно в южных, новых районах Ленинграда, и многие жители испытывали страшные случаи, когда снаряды попадали в очередь стоявших на трамвайной остановке или в переполненный трамвайный вагон”. Такие случаи были незадолго до приезда Верты в Ленинград. Большая часть города выглядела покинутой. И всё же, когда вечером не было обстрела, большие толпы людей прогуливались на обозначенной стороне Невского проспекта. Некоторые люди даже продавали такие “предметы роскоши”, каких в то время нельзя было найти в Москве. Миллионы книг в Ленинграде в холодную блокадную зиму пошли на топливо. Но в 1943 г. в книжной лавке близ Аничкова моста на Невском уже шла бойкая торговля букинистическими книгами²⁶.

²² Там же, с. 134.

²³ Там же, с. 130–131.

²⁴ Там же, с. 238–239.

²⁵ Там же, с. 238.

²⁶ Там же, с. 239.

Наблюдения Верта свидетельствовали о стойкости, выдержке и боевом духе жителей города и воинов, защищавших Ленинград. В разделе “Ленинградская эпопея” в главе “Почему Ленинград выстоял” журналист дал ответ на этот вопрос: “Имеются... убедительные доказательства того, что в Ленинграде не было ни одного человека, за исключением небольшого числа шкурников, которые допускали бы даже мысль о капитуляции перед немцами... Кроме того, местная гордость Ленинграда носила своеобразный характер – горячая любовь к самому городу, к его историческому прошлому, к связанным с ним замечательным литературным традициям (это в первую очередь касалось интеллигенции) соединялись здесь с великими пролетарскими и революционными традициями рабочего класса города. И ничто не могло крепче спаять эти две стороны любви ленинградцев к своему городу в одно целое, чем нависшая над ними угроза уничтожения... В Ленинграде люди могли выбирать между позорной смертью в немецком плену и почетной смертью (или, если повезет, жизнью) в собственном непокоренном городе”²⁷.

В первой половине января 1943 г. Верту представилась возможность вместе с несколькими другими корреспондентами совершить поездку в район Сталинграда. “Мы выехали из Москвы утром 3 января 1943 г. в старомодном спальном вагоне, который прицепили к скорому поезду Москва-Саратов... Проехали Каширу с ее сожженными домами, свидетельством немецкого наступления на Москву год назад; эти мрачные дни теперь казались очень далекими”. Утром 5 января 1943 г. поезд прибыл в Саратов. В то время сюда было эвакуировано множество высших учебных заведений, театров, которые работали всю”²⁸.

Вечером вагон корреспондентов был прицеплен к товарному поезду, который долго вез их по степи. Конечной точкой их следования на поезде стал г. Ленинск. Он находился примерно в 50 км от Сталинграда, на другом берегу Волги. Сюда обычно эвакуировали раненых из Сталинграда. Благодаря сильному зенитному прикрытию город мало пострадал от бомбежек. Старорежимный вид города сильно контрастировал с современными плакатами, красовавшихся на всех стенах: “Бойцы Красной Армии! Помните в Сталинграде о вашем долге перед Родиной!”, “Прогоним немецких гадов от ворот Сталинграда!”. На аэродроме, у самого города, было много аэросаней со знаком Красного Креста для транспортировки раненных. В маленьком общественном саду стоял памятник Ленину. Журналисты ехали в стареньком автобусе. После ужина во время очередной остановки делегацию посетил генерал-майор Попов. Это была первая встреча с представителем командования. Попов был одним из тех, кто организовывал перевозку через Волгу большей части войск группировки, которая 20 ноября 1942 г. наносила отсюда удар в направлении на Калач. Генерал Попов сообщил, что войсковые части Красной Армии имеют множество трофейных грузовиков чуть не всех стран Европы, особенно много французских грузовиков “Рено”²⁹.

Журналисты находились в нескольких километрах от Сталинграда и, “когда стемнело, на западе можно было видеть зарево и слышать непрестанную орудейную стрельбу”³⁰. Делегация посетила город Котельниково (население 25 тыс. человек), который находился в руках оккупантов пять месяцев, а также город Зимовники – самый близкий к фронту. Немцы оставили этот город за два дня до приезда журналистов. Бои шли примерно в пяти километрах от Зимовников³¹. Верт имел интересные беседы в Котельникове. Сын Елены Николаевны, хозяйки дома, где его разместили, 15-летний мальчик Гай, исхудавший от недоедания, рассказывал Верту, что был пионером и был бы комсомольцем, если бы не немецкая оккупация. «Они нас и за людей не считали... Они вывесили на стены домов портрет Гитлера с надписью “Гитлер – освободитель”.

²⁷ Там же, с. 256–258.

²⁸ Там же, с. 365–366, 367.

²⁹ Там же, с. 371.

³⁰ Там же, с. 370.

³¹ Там же, с. 373, 378.

Но он мало был похож на человека – лицо прямо звериное. ... У немцев была прямо страсть всё разрушать. А в последнюю ночь они сожгли городскую библиотеку. Не пожалели даже мою библиотеку», – с возмущением говорил Гай, указывая на свой шкаф. «Порвали журналы и вырвали из книг все портреты Сталина и Ленина. Мы для них были просто рабы»³².

Самой ценной для журналистов была встреча с Р.Я. Малиновским. Это был, по словам Верта, энергичный молодой генерал-лейтенант, великолепный образчик профессионального военного, высокий, красивый, с крупным загорелым лицом. Малиновский в то время командовал 2-й гвардейской армией, которая сыграла главную роль в отражении наступления котельниковской группы германского фельдмаршала Э. Манштейна³³.

Малиновский принял журналистов 11 января 1943 г. в своем штабе, находившемся в школьном помещении в большом селе на Дону. Он обрисовал первый этап Сталинградской наступательной операции. Затем поведал об арьергардных боях с 12 по 16 декабря 1942 г., рассказал о контрударе, в результате которого была разгромлена крупная группировка немцев на Северном Дону. Малиновский высказал ряд важнейших соображений: «Впервые немцы проявляют признаки серьезного замешательства. Пытаясь затыкать образующиеся бреши, они перебрасывают свои войска с места на место, что свидетельствует о нехватке у них резервов. Многие немецкие части отступают на запад в беспорядке, бросая огромное количество техники. Такие части становились легко уязвимыми для наших самолётов. Войска гитлеровских сателлитов в большинстве разгромлены полностью. Немецкие офицеры, которых мы захватили в плен, крайне разочарованы в своем верховном командовании и в самом фюрере. От самоуверенности, которой они отличались ещё летом, не осталось и следа. Мы испытываем значительные трудности из-за растянутости наших коммуникаций, но довольно успешно справляемся с этими трудностями. Красная Армия несомненно изменилась в лучшую сторону... Наступательный дух наших войск сейчас гораздо выше, чем прежде. Наше зимнее наступление 1942–1943 гг. мы ведем по гораздо более широкому фронту, чем зимнее наступление 1941–1942 гг. У наших солдат сейчас гораздо больше опыта, и они ненавидят немцев. Теперь они способны стойко держаться в таких положениях, которые год назад показались бы им невыносимыми, например, при наступлении 150 вражеских танков. Во время последнего наступления Манштейна наши войска, хорошо вооруженные противотанковыми средствами, успешно отражали такие атаки»³⁴.

По поводу окружения гитлеровских войск в Сталинграде Малиновский сказал: «Сталинград – это лагерь вооруженных военнопленных. Положение его безнадежно. Ликвидация “котла” уже началась, и огромные потери, которые немцы понесут в Сталинграде, будут иметь решающее значение для исхода войны. Попытки снабжать Сталинград по воздуху теперь, когда немецкие истребители не могут сопровождать транспортные самолеты, полностью провалились»³⁵.

Верт отметил, что, по мнению Малиновского, немцы еще были сильны в воздухе и танков у них тоже много. Солдаты войск СС дерутся яростно. Что же касается боевых качеств остальных гитлеровских войск, они весьма неравноценны. Малиновский был осторожен в своих оценках на 1943 г., однако “выразил довольно твердую уверенность в том, что Ростов будет освобожден, но пока не хотел бы обещать что-либо еще”. Малиновский подчеркнул, что русским предстоят новые тяжелые испытания, что они несут “небывалые в истории” жертвы, и призвал союзников умножить свои усилия на Западе. За обедом он провозгласил тост: “Победа – самый счастливый момент в жизни каждого солдата, и я не щажу усилий ради ее достижения. Мы, советские люди, по-

³² Там же, с. 375–376.

³³ Там же, с. 380.

³⁴ Там же, с. 380–381.

³⁵ Там же, с. 381–383.

нимаем технические трудности, препятствующие открытию второго фронта в Европе. Но мы твердо верим, что второй фронт очень скоро будет открыт”³⁶.

Через две недели Верт побывал в самом Сталинграде. Об этом он подробно рассказал в главе “Сталинград в дни капитуляции немцев: личные впечатления”³⁷. 3 февраля 1943 г., на другой день после завершения Сталинградской битвы, зарубежные корреспонденты прибыли в город. Наиболее важным эпизодом этой поездки стала встреча Верта с генералом М.С. Малининым – начальником штаба Донского фронта, которым командовал К.К. Рокоссовский. Впоследствии, Малинин стал начальником штаба фронта, которым командовал Г.К. Жуков, участвовал во взятии Берлина. Малинин в беседе с журналистами сказал, что на подступах к Сталинграду “шоссейных и железных дорог было очень мало, и все-таки мы никогда не испытывали недостатка в продовольствии, вооружении или горючем. Каждый солдат, каждый шофер, каждый железнодорожник, создавал, какая громадная задача перед нами стоит”. Верт отметил, что “Малинин был убежден, что на начальном этапе окружения немцы могли бы вырваться из Сталинграда, если бы Гитлер дал им на это разрешение”³⁸.

Когда журналисты ехали в Сталинград, им навстречу следовали все виды транспорта от грузовиков до верблюдов. “Тысячи солдат шли на запад в эту холодную ночь. Они были веселы, удивительно веселы и счастливы и громко говорили про Сталинград и про то, что они совершили там. На запад, на запад!”³⁹

В Сталинграде Верт и его коллеги встречались с советскими солдатами, участниками битвы за этот город. Журналисты часто слышали слово “Катюша” – так ласково называли солдаты гвардейские минометы⁴⁰. Гости побывали на Мамаевом кургане, а также посетили место, где приняли капитуляцию Паулюса. Журналисты побеседовали с лейтенантом Ильченко, который взял в плен германского фельдмаршала. “Тоскливые дни 1938 и 1939 гг., когда Европа нервно ловила берлинские радиопередачи и слушала вопли Гитлера, сопровождаемые людским ревом немецкой толпы. И я увидел знамение суровой, но божественной справедливости в этих замерзших выгребных ямах, в этих обглоданных лошадиных скелетах и желтых трупах умерших от голода немцев во дворе Дома Красной Армии в Сталинграде”, – писал Верт⁴¹.

Главу VI седьмой части книги Верт посвятил личным впечатлениям его пребывания в г. Орле и Орловской области. Город Орёл находился в оккупации почти два года: “Из 114 тысяч населения в городе осталось только 30 тысяч. Многих жителей оккупанты убили. Многие были повешены на городской площади”. Говорили, что немцы убили 12 тыс. человек и вдвое больше отправили в Германию. Многие тысячи орловцев ушли к партизанам в Орловские и Брянские леса, ибо там (особенно на Брянщине) был район активных партизанских действий. Оставшиеся в Орле пожилые люди рассказывали о том, что населению города вообще не выдавали никакого продовольствия, что привело к голоду. Служащие музея выдающегося русского писателя И.С. Тургенева заявляли, что немецкие оккупанты разграбили экспонаты музея и его библиотеку, т.е. книги и другие экспонаты были просто украдены оккупантами. В годы оккупации – учебные заведения были закрыты”⁴².

Представляет большой интерес глава “На Украине: личные впечатления”. 12 марта 1944 г. Верт на маленьком самолете вылетел из Москвы в штаб командующего 2-м Украинским фронтом И.С. Конева, где Верт, по его словам, провел одну из поучительных недель за все свои военные годы в Советском Союзе. Главным его спутником был майор Кампов, офицер из штаба Конева, прославившийся после войны как писатель

³⁶ Там же, с. 382.

³⁷ Там же, с. 390–408.

³⁸ Там же, с.396.

³⁹ Там же, с. 399.

⁴⁰ Там же, с.402.

⁴¹ Там же, с.408.

⁴² Там же, с. 495, 500, 502.

Борис Полевой⁴³. Верт назвал Корсунь-Шевченковскую операцию “маленьким Сталинградом”: в ее ходе немцы потеряли 10 дивизий и 1 бригаду. 55 тыс. солдат и офицеров было убито, 18 200 было взято в плен⁴⁴.

Операция по окружению войск противника в районе Корсунь-Шевченковского проводилась в сложных условиях весенней распутицы. Кроме советского танка Т-34, по бездорожью никакая техника не могла передвигаться⁴⁵. Верта особенно поразил высокий боевой дух советских войск и деморализованное состояние немцев.

В мае-июне 1945 г. Верт был в Берлине. “Второго мая после недели ожесточённых боёв (кстати, в течение которой в Берлине покончили жизнь самоубийством Гитлер и Геббельс) город капитулировал”⁴⁶. 7–9 мая капитулировала вся немецкая армия. Акт о капитуляции был подписан от имени Советского Союза Маршалом Г.К. Жуковым⁴⁷.

5 июня 1945 г. в местечке Венденшлоссе под Берлином состоялась “большая межсоюзническая церемония”. В ней участвовали военные представители СССР, США, Великобритании, Франции: Жуков, Эйзенхауэр, Монтомгери и Делатр де Тассиньи. Они подписали Декларацию о поражении Германии и о взятии на себя верховной власти правительствами четырех союзных государств, а также Соглашение о создании Контрольного Совета⁴⁸.

В сентябре 1946 г. состоялось интервью Верта со Сталиным⁴⁹. Главной темой стала тема дальнейшего сотрудничества СССР со странами-союзниками по антигитлеровской коалиции. Первый вопрос касался того, что в мире ведется много безответственных разговоров о “новой войне”. Сталин дал такой ответ: “Нужно строго различать между шумихой о “новой войне”, которая ведется теперь, и реальной опасностью “новой войны”, которой не существует в настоящее время”. На вопрос Верта, верит ли он в возможность дружественного и длительного сотрудничества Советского Союза и западных демократий, Сталин ответил: “Безусловно, верю”. По вопросу о дружественных отношениях между СССР и Великобританией Сталин сказал, что “установление таких отношений значительно содействовало бы усилению политических, торговых и культурных связей между этими странами”. Отвечая на вопрос Верта о монопольном владении США атомным оружием, Сталин ответил, что монопольное владение бомбой не может продолжаться долго, и применение атомной бомбы будет запрещено. Что касается вопроса о возможности “коммунизма в одной стране”, то Сталин дал такой ответ: «“Коммунизм в одной стране” вполне возможен, особенно в такой стране как Советский Союз”⁵⁰.

6 и 9 августа 1945 г. США совершили атомную бомбардировку Японии. “Единственным, что дало применение атомной бомбы, – отметил Верт, – было возникновение у советских людей гнева и крайнего недоверия к Западу... Истинная цель их применения заключалась в том, чтобы в первую очередь и главным образом запугать Советский Союз”⁵¹.

2 сентября 1945 г. был подписан акт о безоговорочной капитуляции Японии. В тот же день по радио выступил Сталин. Он заявил, что мир, наконец, достигнут, что Советскому Союзу больше не угрожают ни Германия, ни Япония, и отметил заслуги вооруженных сил Советского Союза, Соединенных Штатов Америки, Китая и Великобритании, одержавших победу над Японией. Главную роль в завершении Второй мировой войны в пользу миролюбивых сил сыграла победа в Великой Отечественной войне Советского народа и его Армии.

⁴³ Там же, с. 567.

⁴⁴ Там же, с. 564.

⁴⁵ Там же, с. 583–584.

⁴⁶ Там же, с. 706.

⁴⁷ Там же, с. 707.

⁴⁸ Там же, с. 717.

⁴⁹ Там же, с. 31.

⁵⁰ Сталин И.В. Соч., т. 16. М., 1997, с. 37–39.

⁵¹ Верт А. Россия..., с. 740, 758.

Великая война, которую описывал Верт, завершилась. Журналист подчеркивал, что его книгу ни в коем случае нельзя назвать официальной историей войны. Он просил “считать его труд не военной историей, не историей военных операций”. Стремясь нарисовать общую картину развития военных событий, он нередко концентрировал внимание лишь на таких деталях, которые оказывали прямое моральное воздействие на войска обеих сторон. Он старался так рассматривать важнейшие военные события на советско-германском фронте, чтобы учесть значение их как для СССР, так и для всей международной обстановки. Поэтому Верт полагал, что его книга представляет собой в гораздо меньшей степени историю военных действий, чем человеческую историю: “Я делал все, что было в моих силах, – писал Верт, – чтобы рассказать Западу правду о военных усилиях советского народа... Если эта моя книга помогла внешнему миру лучше понять Советский Союз и его народ, если она хоть в какой-то мере способствует делу мира во всем мире, я могу считать, что ее задача выполнена”⁵².

⁵² Там же, с. 25–26, 29, 33.